

И. М. Дьяконов

О РАБОТЕ С ШУМЕРСКИМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ

Ни одно общество древности не оставило нам такого обилия источников, как общество Шумера. Поэтому понятен тот исключительный интерес, который привлекают к себе в среде советских историков и филологов шумерские письменные памятники. В вопросах их изучения имеются уже сейчас весьма значительные достижения; достаточно назвать работы акад. В. В. Струве, положившие основы разработке экономической истории древнего Востока в нашей науке, а также работы акад. А. И. Тюменева и других исследователей. В советской науке накоплено очень много ценных данных и наблюдений в области изучения общественного строя Шумера; основной вывод нашей науки о рабовладельческом характере эксплуатации труда как главной и ведущей форме эксплуатации в древнем Двуречье, сделанный акад. В. В. Струве в целой серии его работ, посвященных изучению документов царского хозяйства III династии Ура, является, насколько мы можем судить, неоспоримым.

В то же время мало есть областей исторической науки, где, при обилии документального материала, имелось бы столько существенных разногласий в его интерпретации. Дело в значительной степени упирается в проблемы шумерской филологии и в тот уровень наших знаний в этой области, который пока достигнут. Быть может, настала пора поставить принципиальный вопрос о методике использования шумерских источников, о филологической и логической базе исторических выводов на этом материале.

Как известно, каждый шумерский знак почти всегда имеет не одно, а несколько, часто много значений, как идеографических, так и фонетических (слоговых), причем идеографические значения используются для передачи основ, а фонетические — для передачи грамматических формантов и вспомогательных слов.

Исторически дело сложилось таким образом, что звучание знаков известно нам в подавляющем большинстве случаев из составленных значительно позднее шумеро-аккадских списков знаков и словариков; иногда нам известны все звучания и все значения данной идеограммы, но неизвестно, какое из ее звучаний относится к тому или иному из ее значений; иногда можно при чтении колебаться в выборе того или иного слова из числа выражаемых одной и той же идеограммой; наконец, иной раз нам известна только часть звучаний идеограммы; по мере находки новых списков знаков, глосс и т. п. наши чтения шумерских написаний ежедневно

уточняются. В выборе того или иного чтения часто остается еще много субъективного. Но если исследователь, останавливаясь, быть может, и на неправильном чтении идеограммы, в то же время правильно выбирает то понятие, которое эта идеограмма выражает, то понимание текстов, в которых встречалось данное слово, от этого мало или совсем не изменяется. Другое дело, если неправильно выбрано не чтение, а само значение идеограммы или если исследователь примет фонетическое значение знака за идеографическое и наоборот. Это уже непременно отразится на достоверности исторических выводов.

Поэтому, если один исследователь читает составную идеограмму PA·TE·SI¹ как pa-te-si, а другой (основываясь на поздних глоссах и чисто фонетически написанных памятниках шумерского так называемого «женского» языка) читает то же слово en₅-si или insi, то ни тот, ни другой не делает ошибки до тех пор, пока новое чтение не становится в науке общепризнанным как единственно правильное. Так, слово «муж, полноценный работник» долго читалось как ka1, пока не выяснилось, что в этом значении данная идеограмма читается guruš.

Таковы некоторые трудности, связанные с шумерским письмом. Конечно, сама многочисленность знаков и различие почерков в течение более чем тысячелетнего существования шумерского языка, различие, приводящее к изменению форм знаков до полной неузнаваемости, к совпадению по форме разных знаков и т. п., также являются источником ошибок исследователей. Ошибка же в толковании идеограммы всегда может привести к существенному искажению смысла и даже к полной недостоверности вывода. Все же в большинстве случаев контекст и учет всех параллелей к нему позволяет получить бесспорное решение вопроса о чтении идеограмм, как он позволял решать этот вопрос и древним шумерским писцам, когда перед ними вставала задача выбрать правильное значение и чтение знака.

Не меньше трудности возникают на почве самого шумерского языка. До сих пор не установлено родство шумерского языка с каким бы то ни было другим языком мира. Чрезвычайно трудна проблема шумерской лексики. Число простых идеограмм — около 600, составных — много тысяч. Каждая идеограмма может иметь много лексических значений. Очень много омонимичных идеограмм с различным значением (омофонов)^{1а}.

Грамматическая структура шумерского языка весьма своеобразна. Наиболее сложной категорией шумерской грамматики является глагол. Спрягаемая форма глагола состоит, кроме основы, из целой цепочки префиксов, выражающих различные пространственные отношения, в том числе из префиксов, повторяющих надежные показатели (последлоги), наличные

¹ Прописные буквы в транскрипции означают условную передачу знака первым появившимся его чтением, когда автор не может или по каким-либо соображениям не считает целесообразным указать действительное чтение знака в данном случае.

^{1а} До сих пор не существует полного и вполне надежного шумерского словаря. «Шумерский лексикон» Даймеля (A. D e i m e l, Sumerisches Lexikon, I—VI, Roma, 1928 — далее цитируется как SL) представляет собой сводку идеограмм по данным шумеро-аккадских словарей, глосс и двуязычных текстов — сводку, слабо систематизированную и недостаточно проанализированную. Сводка эта чрезвычайно полезна и является незаменимым пособием, но она не учитывает литературных памятников и многих слов, для которых нет засвидетельствованных аккадских эквивалентов (кроме некоторых терминов, главным образом из хозяйственных текстов); подлинного шумерского словаря она полностью заменить не может. К тому же, давая иногда десятки и даже сотни аккадских эквивалентов к одной шумерской идеограмме, Даймель предоставляет исследователю самому сгруппировать эти эквиваленты по синонимическим группам, по их соответствию тому или иному шумерскому фонетическому чтению идеограммы и установить применимость того или иного чтения и перевода в каждом данном случае. Да и сами аккадские эквиваленты не всегда однозначны и переводимы.

в данном предложении (с соответствующим местоименным элементом, включаемым в глагольный префикс), а также содержит субъектные, объектные и различные другие префиксальные и суффиксальные показатели. Спряжения различно для разных видо-временных категорий².

Основной интерпретации шумерских текстов явились шумеро-аккадские билингвы и словари. Но аккадский язык, принадлежа к семитской группе языков, имеет совершенно иной строй грамматики, чем шумерский; в частности, в глаголе здесь выражается только субъект, вид («время») и порода (т. е. характер действия — повторное, каузативное, возвратное и т. п.). Таким образом, аккадские переводы не передают содержания большинства шумерских показателей, и устанавливать их значение приходится из контекста. В этом направлении шумерологической наукой, и в особенности А. Пибелем и его школой, проделана огромная и плодотворная работа. Однако уточнение смысла различных шумерских глагольных префиксов и суффиксов далеко не закончено. По ряду вопросов имеется почти столько же теорий, сколько исследователей.

Характерным примером является вопрос о значении шумерских так называемых «префиксов спрягаемой формы». Ни одна шумерская спрягаемая форма глагола не может существовать без одного из пяти (или, по другим исследователям, принимающим варианты за отдельные префиксы, — восьми или десяти) начальных префиксов. Только в отношении двух префиксов точно выяснено, что они означают: в первом случае — локально направленное действие, во втором — действие «для себя». Конечно, и здесь возможны различные оттенки и отклонения от основного содержания. Наибольшие же разногласия вызывают самые распространенные префиксы *mu-* и *e-* (с вариантом *i-*; по мнению некоторых исследователей, это отдельный префикс с чтением *ni-*)³.

Мы привели только этот пример, но перечень неразрешенных частных вопросов грамматики шумерского языка им далеко не исчерпывается.

² О действительном характере этих категорий см. ниже.

³ По Даймелю, *mu-* выражает движение снаружи к центру, *ni-* — движение внутрь, *e-* — движение наружу; но ясное правило их употребления прослеживается, по Даймелю, только при глаголах собственно движения (A. De i m e l, *Sumerische Grammatik*, Roma, 1924, стр. 175 и сл. далее цитируется как SG). Ф. Тюрю-Данижэн считал эти префиксы в основном направляемыми, но в течение своей жизни неоднократно менял свою точку зрения в частности. По А. Пибелю, *e-* или *i-* выражает перфект, а *mu-* — прошедшее время безотносительно к настоящему. В ряде случаев А. Пибель предполагает замену префикса *mu-* префиксом *i-* по фонетическим причинам (например, перед пространственными префиксами с местоименными показателями класса вещей *-b-*, *-m-*, для избежания скопления губных согласных) — A. P o e b e l, *Grundzüge der sumerischen Grammatik* (далее цитируется как GSG), Rostock, 1923, §§ 532—562, стр. 213—229. Точка зрения Р. Шольца близка к точке зрения Пибеля; при этом он придает большое значение стилистическим и фонетическим факторам. По Р. Жестэну, префикс *e-* первоначально характеризовал действие, менее отдаленное во времени, чем действие, характеризующее префиксом *mu-*, но затем эти префиксы получали чисто стилистическое значение, таким образом, что префикс *mu-* подчеркивает действие сильнее, чем префикс *e-*, или же префикс *mu-* характеризует действие, направленное от низшего к высшему, например, к божественному, и т. п. (R. J e s t i n, *Le verbe sumérien*, II, P., 1946, стр. 30, 34—41). Наконец, по А. Фалькенштейну, *e-* (*i-*) есть префикс нейтрального повествования; подчеркнутое указание на содержащееся в предложении имя, характеризованное направлятельным послелогом и пространственным показателем в глаголе и принадлежащее к классу имен одушевленных, выражается глагольным префиксом *mu-*. Однако, когда такого подчеркивания нет, *i-* тоже может употребляться с именами одушевленными. Нередки также случаи, когда *mu-*, из стилистических соображений, употребляется и тогда, когда пространственные показатели относятся к классу вещей — A. F a l k e n s t e i n, *Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš* (далее цитируется как GSGL), II, Roma, 1950, §§ 112—114, стр. 158—181. Сходна с концепцией Фалькенштейна и точка зрения E. S o l l b e r g e r. *Le système verbal dans les inscriptions «royales» présargoniques de Lagaš*, Genève, 1952, стр. 122.

Однако изученность шумерской грамматики вовсе не стоит на столь низком уровне, что переводы с шумерского вообще не могут быть достоверными. Сомнительные пункты грамматики все же относятся к числу второстепенных; например, то или иное понимание префикса *ти-* или *е-* мало отражается на переводе текста. Наиболее важные грамматические вопросы выяснены в различных исследованиях шумерологов. Так, нам ясна сложная система образования множественного числа в шумерском языке (множественное коллективное, определенное, неопределенное, обобщающее и т. д.)⁴ и ее связь с двумя именными классами шумерского языка⁵; вопросы падежных отношений в шумерском выяснены детально; мы знаем не только общее значение падежных показателей, но и правила их синтаксического употребления⁶, их фонетические изменения в различные периоды⁷, отдельные их смысловые особенности и оттенки употребления в различных конкретных случаях⁸. То же касается и пространственных показателей в глаголе⁹.

Даже в тех случаях, где среди грамматистов нет полной договоренности о применяемых грамматических терминах и о точном понимании оттенка той или иной категории, по большей части имеется согласие в отношении общей линии понимания данного грамматического явления. Так обстоит дело в отношении так называемых «времен» шумерского языка, точнее — форм переходного глагола с суффиксом *-e* (*Praesens-Futurum*) и без него (*Praeteritum* по А. Пибелю). Этим формам посвящено много места в работе акад. В. В. Струве «Категория времени и замена идеограмм в шумерийском языке и письме»¹⁰. Автор начинает с замечания: «Пибель, а за ним все зарубежные шумерологи утверждали, что шумерийский глагол отмечал категорию времени». Акад. В. В. Струве полагает, что в 1951 г. той же точки зрения придерживался и И. М. Дьяконов¹¹ и что он лишь в 1954 г.¹² принял положение о том, что в шумерском языке различались не времена, а виды совершенный и несовершенный¹³, между тем, как сам В. В. Струве еще в 1953 г. пришел к этому убеждению. Затем указывается, что в той части надписи Уруклагини, где говорится о прошлом, и в той, где говорится о настоящем, употреблены преимущественно формы глагола без суффикса *-e*, т. е. формы претерита по Пибелю, а в действительности, по смыслу, — совершенного вида, что и доказывает отсутствие категории времени в шумерском языке. Автор заканчивает замечанием: «Данные уточнения, внесенные в дело изу-

⁴ P o e b e l, GSG, §§ 132—150, стр. 49—57; F a l k e n s t e i n, GSGL, I, § 21, стр. 71—74; II, § 93.

⁵ P o e b e l, GSG, §§ 132, 135, 141, 144, стр. 49, 50, 52 и 54; F a l k e n s t e i n, GSGL, I, §§ 21, стр. 71—74.

⁶ P o e b e l, GSG, §§ 151—162, стр. 58—60; F a l k e n s t e i n, GSGL, I, §§ 22—36, стр. 74—118.

⁷ См. P o e b e l, GSG, §§ 344—365, стр. 125—133 и др.

⁸ Некоторые примеры см. ниже.

⁹ P o e b e l, GSG, §§ 486—516, стр. 188—206; F a l k e n s t e i n, GSGL, I, §§ 65—70, стр. 200—217; D e i m e l, SG, §§ 30, 33, 70; R. J e s t i n, Le verbe sumérien, I, P., 1943, стр. 304; S o l l b e r g e r, Le système verbal..., стр. 70 сл.

¹⁰ ВЛГУ, сер. ист. яз. и лит-ры, 1957, № 8, вып. 2, стр. 85 слл.

¹¹ Со ссылкой на мою статью «Реформы Уруклагини в Лагаше», ВДИ, 1951, № 1, стр. 21 сл. При этом акад. В. В. Струве утверждает, что из факта употребления мной в этой статье выражения «несовершенный вид», конечно, не следует, что уже в 1951 г. И. М. Дьяконов стоял на той же позиции, что и в своей статье 1954 г. Тогда, в 1951 г., он допускал, очевидно, возможность отражения шумерийским глаголом и категории времени и несовершенного вида.

¹² И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, ВЯ, 1954, № 5, стр. 43 слл.

¹³ «И. М. Дьяконов не объясняет, каким путем он пришел к этому... выводу» (Струве, ВЛГУ, 1957, № 8, стр. 84).

чения шумерийского глагола, окажут свое содействие при интерпретации надписей Урукагны и других шумерийских текстов»¹⁴.

На это следует заметить, что в шумерологии принято традиционное¹⁵ обозначение форм переходного глагола с суффиксом -е и без него, как, соответственно, Praesens-Futurum и Praeteritum. Однако акад. В. В. Струве неправ, полагая, что все зарубежные шумерологи рассматривают эти формы как чисто временные. Большинство исследователей согласно в том, что эти термины годятся только как условные обозначения, так как под данными формами скрываются виды или категории, близкие к видам. Обычно термины Praesens-Futurum и Praeteritum применяются без всяких оговорок, так как видовой характер данных форм предполагается очевидным для каждого шумеролога.

Действительно, как в нашей, так и в зарубежной шумерологии формы Praesens-Futurum и Praeteritum трактуются как виды уже давно. Достаточно сослаться на Теодора Клуге, высказавшего мнение об отсутствии категории времени в шумерском еще в 1921 г.¹⁶; аналогичную мысль проводил в 1932 г. Виктор Христиан¹⁷, который приписывал чисто временное значение только особому суффиксу -ed, а формы с суффиксом -е и без суффикса рассматривал как вневременные. Как виды понимал данные глагольные формы покойный А. П. Рифтин (ум. в 1945 г.), говоривший о двух видах, условно «временах» — несовершенном (Praesens-Futurum transitivi) и совершенном (Praeteritum transitivi). То же положение находим у Реймона Жестэна (1943) в первом томе его фундаментального исследования шумерского глагола, где также вводится и понятие «совершенного» и «несовершенного» вида¹⁸. Отсюда ясно, что вопрос, поднятый акад. В. В. Струве (там же, стр. 85 сл.) о приоритете в определении этих форм глагола как видовых, неактуален. В той или иной степени приближения это определение присутствует в различных работах, начиная с Ф. Делича (1914).

В результате обрисованного выше состояния изучения шумерского языка и письменности создалось положение, когда наряду с бесспорными и вполне ясными текстами, существуют и такие, которые либо вовсе пока не доступны для использования историком, либо требуют предварительно внимательного и всестороннего анализа своего грамматического и лексического состава. Взаимопомощь шумерологов в этих случаях чрезвычайно желательна, и взаимная дружеская критика здесь может значительно

¹⁴ Струве, ук. соч., стр. 87. Следует заметить, что принципиальные вопросы грамматики вряд ли можно решать на материале всего одного текста. В частности, по данному вопросу в специальных шумерологических работах собран огромный материал.

¹⁵ Традиция терминологического неразличения времен и видов восходит к аккадской и вообще семитской филологии, как она сложилась еще в XVII в.: так называемые семитские «времена» также являются фактически видами, хотя, до известной степени, передают и временное содержание. См., например, по поводу термина «время» S. Moscati, Chi furono i semiti? «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie, Classe di scienze morali, storiche e filologiche», серия VIII, т. VIII, 1, Roma, 1957, стр. 17, прим. 50: «Терминология, как известно, является условной, указывая на семитское спряжение видов, а не времен».

¹⁶ Th. Kluge, Versuch einer Beantwortung der Frage: Welcher Sprachengruppe ist das Sumerische anzugliedern, Lpz, 1921, стр. 57. Еще раньше Делич указывал: «Шумерский язык различает два времени: совершившееся или бывшее, и совершающееся или сущее...», — определение, являющееся по существу дефиницией в и до в (см. F. Delitzsch, Grundzüge der sumerischen Grammatik, Lpz, 1914, § 133a, стр. 88). Через 48 лет ту же точку зрения выдвинул Э. Солльберже, согласно которому в шумерском различается «время» фактов (faits) и «время» событий или свершений (événements) (Solberger, Le système verbal..., стр. 177 и сл.).

¹⁷ V. Christian, Die sprachliche Stellung des Sumerischen, P., 1932, стр. 29.

¹⁸ Jestin, Le verbe sumérien, I, стр. 209 и стр. 204—205 (с оговоркой, что временное значение все же находит свое выражение) и ср. III, P., 1954, стр. 95.

помочь делу выяснения истины¹⁹. Думаю, что и приводимые ниже примеры того, как, с одной стороны, неясность некоторых текстов, а с другой — недостаточный учет грамматических и лексических явлений отражаются на исторических построениях, также послужат общему делу. Особенное внимание в настоящей статье обращено на работы советских историков, так как на Западе в настоящее время историей Шумера (за исключением хронологии) почти не занимаются²⁰. Нас же, конечно, интересуют в первую очередь выводы, относящиеся к социально-экономической истории.

При описанном выше состоянии шумерологии очевидно, что для использования какого-либо вывода в больших исторических построениях необходимо прежде всего, чтобы этот частный вывод был бы сам по себе достаточно достоверен. Это возможно иной раз и в тех случаях, когда чтение и перевод того или иного контекста подвержены известным сомнениям, но вывод опирается на ряд указаний в текстах, взаимно подтверждающих друг друга: в этом случае отпадение того или иного аргумента не поколеблет вывода в целом. Таково часто положение с хозяйственными и деловыми текстами, которые, во-первых, грамматически просты, а во-вторых, материал в них имеет массовый характер²¹. По этой причине в той части настоящей статьи, которая касается грамматической базы исторических выводов, мы не будем касаться работ, основанных на исследовании хозяйственных текстов.

Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда исторический вывод строится на основе грамматически трудного и часто единственного источника. Такое построение выйдет за рамки необоснованной гипотезы только в том случае, если чтение и понимание источника будут веско аргументированы сочетающимися между собой и подкрепляющими друг друга филологическими, логическими и историческими доводами с привлечением также всех параллельных контекстов²².

Для иллюстрации этого положения мы возьмем пример, связанный с вопросом большой исторической важности, — проблемой возникновения частной собственности на основное средство производства — землю — в условиях древнего Востока. Речь идет о теории возникновения частной собственности на землю в древнем Двуречье лишь на не пригодных для естественного орошения, так называемых «высоких» полях.

¹⁹ Ср. ниже прим. 52, а также существенное для исторических выводов замечание В. В. Струве. Интерпретация документа № 19 издания М. В. Никольского, ВДИ, 1957, № 4, стр. 6, прим. 37, исправляющее принятый акад. А. И. Тюменевым и автором настоящей статьи расчет численности работников — «шуб-лугалей» храма Нингирсу. Расчет был основан на общей цифре довольствия этим работникам при известной обычной норме на каждого работника в отдельности. Акад. В. В. Струве указал, что в соответствующий год правления Урукагины норма довольствия была иной.

²⁰ За последние годы можно назвать, помимо популярных очерков, лишь такие работы, как M. Lambert, *La période présargonique, «Sumer», VIII (1952), 1, стр. 57* слл., касающаяся, однако, почти исключительно внешнеполитических аспектов истории Шумера, и A. Falkenstein, *La cité-temple sumérienne, Cahiers d'histoire mondiale, I(1954), 4, 785* слл., обзорного характера, и несколько других.

²¹ На таких именно текстах основаны в своем большинстве те вполне достоверные исторические выводы, которых во многих случаях достигла советская шумерология, например, существеннейший для всей истории древнего Востока вывод о рабовладельческом характере эксплуатации труда работников в царском хозяйстве III династии Ура: сделанный акад. В. В. Струве на основе анализа сводок наблюдателей рабочих отрядов, главные выводы о структуре хозяйства храма богини Бау (Бабы) в Лагаше в работах академиков В. В. Струве и А. И. Тюменева, и т. п. (здесь речь, разумеется, не идет о деталях).

²² Конечно, когда речь идет о хозяйственных текстах, это требование допустимо в той мере, в какой такая задача полезна для отдельного исследователя, имея в виду чрезвычайную многочисленность шумерских хозяйственных документов.

В этом примере сочетаются спорные вопросы грамматические, спорные вопросы истолкования значения отдельных знаков и спорные вопросы логических умозаключений. При этом вся теория основана на одном единственном тексте²³, а точнее говоря — на ошибке одного из величайших ученых в области изучения клинописи — Ф. Тюрро-Данжэна, сделанной им, впрочем, задолго до создания первой научной грамматики шумерского языка.

Речь идет об отрывке из текста Конусов «В» и «С» Урукагины, посвященном положению, предшествовавшему реформам этого последнего (В, VI, 17—25; С, VI, 37—VII, 8): šub-lugala-ke₁ sag gána-ga-na-ka bu₃-ni ì-dù igi-nu-du₈ ba-dab₅ a-MUŠ.DU gána-ga gál-la-a igi-nu-du₈ ba-dab₅. Ф. Тюрро-Данжэн переводил этот отрывок: «если подданный царя на вершине своего высокорасположенного поля строил колодец, то (при нем) жил игинуду: (при)..... воде, имевшейся на высоком поле, жил игинуду»²⁴. С тех пор было установлено, что šub-lugala — не «подданный царя», а работник храма (а по акад. В. В. Струве — общинник), получивший от храма надел земли, что igi-nu-du₈ — работник храма, занятый главным образом на оросительно-землекопных и садовых работах, не имевший земельного надела; что sag «голова» означает не вершину, а широкую сторону поля, и что ba-dab₅ нельзя перевести «жил»²⁵. Но перевод sag-gána-ga-na-ka как «на вершине его высокорасположенного поля» и gána-ga gál-la-a как «имевшийся на высоком поле» был перенят А. Даймелем, а за ним акад. В. В. Струве и отчасти М. Ламбером²⁶.

Мотивируя свой перевод сочетания gána-ga или gán-ga (разделяемого им на gán «поле» и определение га) как Hochfeld, Тюрро-Данжэн замечает: «gán-ga „холмистое поле“ (собственно поле женской груди) в противоположность низко расположенным полям не подвергается орошению»²⁷. Однако слово га означает по-шумерски «молоко» и не обладает другими именными значениями. «Женская грудь» по-шумерски не га, а ubur²⁸. Ни в одном из известных мне текстов (а га «молоко» встречается в них часто) значение «грудь» или, тем менее, «холм» для слова га не засвидетельствовано²⁹.

²³ См. В. В. Струве, Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока, ИГАИМК, 77 (1934), стр. 48—49. В. В. Струве ссылается там же еще на текст «Цилиндра А» Гуден в переводе Витцеля (XI, 12 сл.): «На холмы, на которые не восходит вода, взойдет для тебя (?) вода» (Струве, ук. соч., стр. 48, прим. 84). В этом тексте, однако, речь идет об искусственных насыпях (см. ниже, прим. 36), и он не имеет, таким образом, отношения к вопросу о «высоких полях».

²⁴ F. Thureau-Dangin, Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften (SAKI), Lpz, 1907, стр. 49 слл.

²⁵ Литературу вопроса см. И. М. Дьяконов, Реформы Урукагины в Лагаше, ВДИ, 1951, № 1, стр. 20, прим. 9, стр. 23, прим. 6—8.

²⁶ M. Lambert, Les «réformes» d'Urukagina, RAss, L (1956), 4.

²⁷ Thureau-Dangin, SAKI, стр. 50, прим. а.

²⁸ F. Delitzsch, Assyrisches Handwörterbuch, Lpz, 1902, s. v. tilû=tulû; ŠL, 291, 4.

²⁹ Шумерский знак га, согласно шумеро-аккадским словарикам, имеет именные значения «молоко, сливки» и глагольные значения «идти, торопиться, слать, приносить, уносить», а также является глагольным префиксом пожелания, см. ŠL, 319. Нигде га не означает «холм». Даймель дает, правда, также и значение «женская грудь», но оно взято лишь из аккадского перевода шумерского заклинания против женских болезней (P. Haupt, ASKT, стр. 84, VII, 36 и сл.), неточно передающего шумерский текст; последний дает выражения ga-lâl-e, ga-še-e «со сладким молоком», «с горьким молоком», а аккадский перевод — ša tulûša řabu, ša tulûša marri «чья груди сладки», «чья груди горьки»; ясно, что здесь не га «молоко» означает грудь, а напротив, tulû «грудь» употреблено метонимически в смысле «молоко». Так же надо понимать и два других примера там же: ga-sig-ga и ga-sig-ga ug₅-ga, где аккадский перевод дает ša tulûša mařšu и ša ina mihiš tulû imut «чья груди поражены» и «что от поражения грудью умерла». В тексте ASKT, стр. 84 далее следует перечень болезней матки.

Кроме того, грамматически сомнителен перевод центральных выражений этого отрывка — *gán-ga* и *sag-gán-ga-na-ka*. Ф. Тьюро-Данижэн, очевидно, анализировал *gán-ga* как определяемое с определением, а *sag-gán-ga-na-ka* как **sag-gán-ga-(a)n(i)-ak-a*, где конечное *-a* — показатель локативного падежа («в»), относящийся к слову *sag* «голова», *-ak-* — показатель родительного падежа («голова поля») ³⁰, *-an(i)* — притяжательное местоимение «его», а *ga* — определение к слову *gán* «поле».

Однако какого рода определением к слову *gán* «поле» является предпологаемое слово *ga*? Прилагательным оно быть не может, так как шумерский язык не знает качественных прилагательных типа «молочный», «холмистый»: они заменяются определением в родительном падеже. Во втором случае из текста Урукагины выражение *gán-ga* стоит, кроме того, в локативном падеже на *-a* ³¹, что видно из контекста, а в надписи Гудеи (St. I, II, 2), на которую здесь ссылается Ф. Тьюро-Данижэн, выражению *gán-ga* сопутствует и локативный показатель *-ni-* в глаголе. Значит, мы ожидали бы форму **gána-ga-(a)k-a* или графически **gán-ga-ka*, где *-ak-* родительный падеж слова *ga*, зависящий от *gán* «поле», а *-a* — локативный падеж. Точно так же вместо **sag-gán-ga-(a)n(i)-ak-a* мы должны были бы иметь форму **sag-gána-ga-(a)k-an(i)-ak-a* или, в написании по знакам, **sag-gán-ga-ka-na-ka*, так как не только слово *gán* «поле», зависящее от *sag*, но и слово *ga* «молоко», зависящее от *gán*, должны были бы стоять в родительном падеже ³². На это можно было бы возразить, что мыслимо образование путем словосложения составного слова **gán-ga* без родительного падежа («поле-молоко»), если рассматривать его как термин; однако именно как термин, качественно характеризующий землю, слово *gán-ga* не засвидетельствовано ³³, да и трудно представить себе столь замысловатое образование термина, когда в шумерском есть широко употребительные обозначения как для «холмов» ³⁴, так и для понятия «высокий» ³⁵.

Между тем, можно предложить несравненно более простое толкование, считая *ga* не самостоятельным словом (будь то «холм» ³⁶, «грудь» или «молоко»), а формантом.

Согласно нормам шумерской орфографии, при присоединении суффиксального показателя, начинающегося с гласного, к основе или суффиксу, кончающемуся на согласный, принято графическое повторение последнего согласного основы ³⁷.

³⁰ В шумерском языке падежные показатели (послелоги) не ставятся после каждого отдельного слова, а скапливаются в конце именной части предложения.

³¹ Таким показателем может быть только окончание *-a* в *gána-ga*.

³² Если в сложной форме **sag-gán-ga-(a)k-an(i)-ak-a* можно бы думать об отпадении одного родительного падежа для сокращения формы (примеры тому известны), то в тексте Гудеи, а также во втором случае из текста Урукагины для этого нет никаких оснований.

³³ А. Даймелль, *SL*, s. v., собрал все определения к слову *gán* из хозяйственных текстов, какие только он мог собрать, но для *gán-ga* он ссылается только на приведенное выше место.

³⁴ *Kur*, *hur-sag* — для внешумерских территорий, *dul* «искусственный холм», *um* «насыпь» и т. д. — для собственно шумерских.

³⁵ *nim*, *igi-nim*, *an-a*, *sag-ki*, *zi-sag-ús*, *sag-il-la*, *sag-an-ta*, *u₃*, *u₅* и множество других.

³⁶ Об искусственных холмах (городищах, тельях) говорится в тексте Гудеи «Цилиндр А», XI, 11—14, на который ссылается акад. В. В. Струве (см. выше, прим. 23): *dul-dul ki a nu-e₁₁-da a ma-ra-e₁₁-de* «Все городища, которые не покрывает вода, для тебя будет покрывать (собственно „выходить“ вода). Так же обозначаются и могильные холмы (*i₃i-dul-kid* «земля, набросанная холмом»). По верованиям древних шумерийцев и вавилонян, городища (*dul*, акк. *tīlu*, араб. «телья») — это развалины городов, разрушенных гигантским разливом («потопом»).

³⁷ Например, *Enlil* «бог Энлил», родительный падеж *Enlil-a(k)* — пишется ^d*En-lil*, ^d*En-lil-lá*; *an* «небо», родительный падеж *an-a(k)* — пишется *an*, *an-na*.

Последний согласный основы может при этом, находясь на исходе слога, быть непронизносимым и восстанавливаться только при присоединении суффикса ³⁸. В двусложных словах в бессуффиксной форме может отпадать не только конечный согласный, но и предшествующий ему гласный ³⁹.

Подобный же случай можно предположить и здесь, принимая, что форма $g\acute{a}n < g\acute{a}n(a) < g\acute{a}na(g)$, родительный падеж $g\acute{a}nag-a(k)$, локативный падеж $g\acute{a}nag-a$; обе последние формы должны в этом случае в обычной транскрипции выглядеть как $g\acute{a}n-ga$ или $g\acute{a}na-ga$ ⁴⁰.

Со внесением в перевод указанной поправки, мы можем проанализировать выражение $g\acute{a}na-ga$ во втором случае у Урукагины и в надписи Гудей как локативный падеж на $-a$ ⁴¹ от слова $g\acute{a}na(g)$ «поле», а выражение $sag-g\acute{a}na-ga-na-ka$ как $sag-g\acute{a}nag-an(i)-ak-a$, дословно «в голове его поля», причем слово «поле» в данных случаях не имеет никакого определения ⁴². Как уже отмечалось выше, «голова» поля — это его «широкая, продольная сторона, наиболее отдаленная от реки».

«Широкая, дальняя от реки сторона поля» в отличие от вершины холма ⁴³ — естественное место для устройства колодца, о котором говорится в тексте; при том из данного текста Урукагины не видно, что поле шуб-лугаля, о котором идет речь, не орошалось естественно. Колодцы в Южном Двуречье вообще редко используются для искусственного орошения ⁴⁴ и самостоятельного значения не имеют, а лишь дополняют другие источники воды.

Из того же текста видно, что на поле шуб-лугаля была или могла быть и какая-то проточная (дословно «змееходная») вода ⁴⁵ ($a-MU\check{S}.DU$). Ха-

³⁸ Например, $\check{s}a(g)$ «сердце», родительный падеж $\check{s}ag-a(k)$ — пишется $\check{s}a$, $\check{s}a-ga$.

³⁹ Например, $kal(ag)$ «быть сильным», причастная форма $kalag-a$ — пишется kal , $kal-ga$; $uz(ug)$ «гусь», родительный падеж $uzug-a$ — пишется uz , $uz-ga$.

⁴⁰ Двусложный вариант засвидетельствован для омонима ga , см. Falkenstein, GSGL, § 3, 2. Нами высказывалось предположение, что знак $g\acute{a}n$, подобно знакам un , kin , $h\check{u}n$ и т. д. имел на конце звук \check{g} . Отдельные случаи написания слога ga знаком ga (вместо обычного $\check{g}a$) известны; однако $g\acute{a}na-ga$ никогда не пишется со знаком $\check{g}a$, поэтому такое объяснение маловероятно.

⁴¹ Так и переводит Roebel, GSG, § 107, стр. 39.

⁴² Те же формы засвидетельствованы, очевидно, и в ряде других случаев, например: Ник., I, 185: $ma\check{s} g\acute{a}na(g)-ga$ $\check{e}-a$ «мелкий скот, выходящий в поле» — локатив: $*g\acute{a}nag-a$; DP, 646: $\check{s}a g\acute{a}na(g)-ga-\check{z}\acute{e}$ «на середину поля» — родительный падеж + направительный падеж: $g\acute{a}na(g)-a(k)-\check{s}\acute{e}$; Ник., I, 170: $ma\check{s} g\acute{a}na(g)-ga$ «мелкий скот поля» — родительный падеж: $*g\acute{a}nag-a(k)$, что ясно видно из сопоставления с Ник., I, 184: $ma\check{s} g\acute{a}na(g)-uru_4-lala-ka-ka-m$ «мелкий скот поля аренды» — два родительных падежа + связка: $*ma\check{s} g\acute{a}nag uru_4-lal-ak-ak-\check{a}m$. Ср. в архаических текстах из Ура (UET, II, 206, 208, 211): $G\check{A}N GA KI$, чт. $ki g\acute{a}na(g)-ga$ «земля полей».

⁴³ На аллювиальной низменности с рыхлой почвой, какую представляет собой низовье Евфрата и Тигра, всхолмлений, как правило, нет, если исключить искусственные дамбы, городища и т. п. Возможные всхолмления были бы здесь, вероятнее всего, сложены из тех же аллювиальных отложений, поэтому трудно представить себе в таком холме водоупорный слой; последний должен находиться, очевидно, ниже уровня окружающей равнины. При этих условиях вершина холма — наиболее невыгодное место для рытья колодца.

⁴⁴ Колодезное орошение не упоминает ни один из известных мне авторов, писавших о сельском хозяйстве южного Ирака. Земли же, орошаемые из арыков, не относятся в южном Ираке к землям искусственного орошения, так как не требуют водоподъемных устройств. По мнению ряда современных исследователей (см. J. L a e s s e, Reflexions on modern and ancient waterworks, JCS, VII, 1953, стр. 5 сл.), водоподъемных сооружений Шумер не знал, кроме, может быть, шадуфа для садов. Все древние «города-государства» Шумера были расположены на землях естественного орошения. См. об этом: А. А д а м о в, Ирак Арабский, СПб., 1912, стр. 168; W. W i l l - c o c k s, Irrigation in Mesopotamia², L.—N.Y., 1917; Д ж а ф а р Х а й я т, Иракская деревня, М., 1953, стр. 30, и ср. приложенную к последней книге карту территорий орошения с любой картой древнего Шумера.

⁴⁵ Об этой воде не сказано, что она проведена самим шуб-лугалем. Вода в любой канал могла поступать только из общинных водных запасов, поэтому устройство поля

рактерно, что параллельный текст («Овальная пластина», II, 2—9) не упоминает вовсе ни о колодце, ни об арыке, а говорит лишь «...имевшуюся (на поле) воду держал *игинуду*; пока шуб-дугаль не исполнит (рода повинности?), питьевой (чистой) воды ему могли не давать, (даже) ослу (сго) питьевой воды могли не давать».

Таким образом, в целом разбиравшийся выше отрывок должен быть переведен: «(если) шуб-дугаль на широкой стороне своего поля построил колодец, *игинуду* брал (его в пользование); „змееходную“ воду, имевшуюся на поле, брал *игинуду*»⁴⁶.

Конечно, если ряд исследователей в своих выводах базировался на старом переводе этого контекста — переводе, соответствовавшем тогдашнему уровню науки, то для того времени это было вполне естественно. Но здесь мы сталкиваемся с вопросом о допустимых и недопустимых логических умозаключениях, возводимых на базе трудного текста, понимание которого в дальнейшем может быть уточнено.

На этом контексте, и только на нем, — по крайней мере, на другие источники ссылок не имеется, — акад. В. В. Струве построил свою теорию, согласно которой вся орошаемая земля в Шумере принадлежала общине-храму, и частная земельная собственность возникала только — или главным образом — на «высоких полях»⁴⁷. Теория эта уже а priori вызывает ряд сомнений, поскольку она связывает возникновение частной собственности только с определенными топографическими условиями; она вызывает сомнения и по ряду других причин⁴⁸, а главным образом потому, что вся территория Шумера — совершенно плоская, и на ней не имеется никаких холмов, кроме искусственных городищ и т. п.⁴⁹.

Чтобы сделать из данного текста вывод о создании частных владений на «высоких полях», нужен ряд произвольных допущений, даже в том случае, если бы га было самостоятельным словом.

на земле, требующей искусственного орошения, ни в коей мере не могло освободить земледельца от общинной зависимости. Недостаточно своими средствами соорудить канал или водоподъемное сооружение, — нужно еще отвести с его помощью воду из реки или общинного канала к ущербу других пользователей. Значит, нужно с и а ч а л а быть независимым от общины и сильнее ее; эта сила и независимость не может возникнуть из факта устройства поля на естественно не орошаемой земле. Что касается колодцев, то в условиях Двуречья (особенно при древнем уровне техники) они для орошения полей нецелесообразны.

⁴⁶ Можно предположить, что *игинуду* пользовался этой водой как работник храма, поскольку надел шуб-дугалья был расположен не на собственной земле последнего, а на храмовой земле (см. А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М.—Л., 1956, стр. 147, 151 сл.).

⁴⁷ См. Струве, Проблема..., стр. 41—50. См. также: «Поля естественно орошаемые были общинной собственностью, и лишь в пределах высоких полей могли складываться частновладельческие отношения» (В. В. Струве, История древнего Востока, М.—Л., 1944, стр. 69; ср. «Всемирная история» изд. АН СССР, I, 204—202). Автор считает, правда, что знать, владевшая недвижимой собственностью на высоких полях, могла также скупать и иную землю («Проблема...», стр. 48) — очевидно, землю лиц, которых автор считает общинниками; но эта земля составляла не собственность последних, а надел, выдаваемый, по В. В. Струве, от общины (там же, стр. 42 и 44), а по другим авторам — от храма; могли ли эти наделы действительно продаваться в данное время — сомнительно; см. об этом И. М. Дьяконов, Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине, ВДИ, 1955, № 4, стр. 12—13, стр. 39.

⁴⁸ См. выше; прим. 43 — 45.

⁴⁹ Дамбы и плотины не занимали в Двуречье большой площади, так как в отличие от Египта, обрабатываемая земля здесь не разгораживалась дамбами на отдельных бассейны; на плотинах полей не имелось. Следует отметить, что Ф. Тьюро-Данжэн, создавший своим переводом понятие «высоких полей» (применительно к Шумеру), сам на месте расположения древнего Лагаша не был (см. A. Parrot, Tello, P., 1948, стр. 28).

Допущение первое: *ga* может означать не только «молоко», но и «женская грудь».

Второе допущение: «женская грудь» (или, точнее, «молоко») может означать «холм».

Третье допущение: холмистое (или, точнее, «молочное») поле может означать поле, естественно не орошаемое.

Четвертое допущение: поле, не орошавшееся естественным путем, не является общинным (или храмовым).

Пятое допущение: шуб-лугаль, известный нам по документам как держатель х р а м о в о й земли, здесь выступает в ином качестве. Отсюда, наконец, делается вывод, что на «полях, не орошавшихся естественным путем» (точнее, на «холмистых полях», еще точнее — на «полях женской груди», еще точнее — на «молочных полях»), именно и развивалась частная собственность на землю.

Между тем, из контекста надписи Урукагины, наоборот, вытекает, что шуб-лугаль не мог на своем участке неограниченно распоряжаться: воду на этом участке мог брать *игинуду*; из другого отрывка того же текста видно, что даже скот и дом шуб-лугалья могли быть забраны начальством или, в лучшем случае, принудительно откуплены им у шуб-лугалья по номинальной цене⁵⁰. Все это и соответствует засвидетельствованному документами положению шуб-лугалья как несамостоятельного держателя чужой (храмовой) земли⁵¹.

Если в приведенном выше случае шаткость исторического вывода обусловливается как характером его грамматического и лексического обоснования, так и характером логического построения, то в других случаях вся проблема заключена в филологическом анализе текста. Возьмем текст *dumu-ukú-ke₄ HAR-SAG + HA-na ù-tu-aka ku₆-bé lú ba-da₅-kar-ré* (надпись Урукагины на «Овальной пластине», II, 10—13). Из предлагаемого акад. В. В. Струве перевода: «если сын легковооруженного воина на высоком месте себе устроил рыбный садок, то муж (в дальнейшем В. В. Струве объясняет, что речь идет о полноправном гражданине.— И. Д.) брал вместе с ним рыбу его (садка)⁵²» вытекает весьма существенный исторический вы-

⁵⁰ См. Конус С, XI, 20 — XII, 11.

⁵¹ См. Тюменев, Государственное хозяйство... , стр. 151 сл.

⁵² Струве, Категория времени... , стр. 86. В транскрипцию рассматриваемого текста, приводимого акад. Струве, вкрался ряд неточностей: напечатано *u-tu-aka* вместо *ù-tu-aka*, *ba-da₅-kar-re* вместо *ba-da₅-kar-ré*, *dumu-ukú-ge* вместо *dumu-ukú-ke₄* (или *dumu-uki-gé*). Пожелательное наклонение не может передаваться знаком *u-*. На стр. 90 напечатано *la-ar-nu-tum* и ниже *labnutum* вместо *la-ab-nu-tum* и *labnútum*. Соблюдение транскрипционных правил является в шумерском более важным, чем, например, правильное обозначение придыханий в греческом. Так как каждый шумерский знак был связан не со звучанием, а с понятием, то естественно, что каждый омоним имел свой особый, собственный знак (за исключением абстрактных понятий, которые не могли быть переданы иначе, как только посредством знака для омонимичного слова, выражающего конкретное понятие, поддающееся воспроизведению в виде рисунка, напр. *tí* «жить» можно было воспроизвести с помощью знака стрелы *tí*). А так как число омонимов в шумерском языке было чрезвычайно велико, то возникло большое число «омофонов», т. е. знаков, имеющих одинаковое звучание, но совершенно различное значение. В транскрипции омофоны различаются знаками ударений и цифровыми показателями: так, например, *ú* значит «трава», *u* «десять», *ù* «сон» (последний знак используется и в глаголе для передачи форманта наклонения пожелания и допущения), *u₄* «день»; точно так же фонетический знак *-ge* выражает одно (падежный показатель *-e* после слога, оканчивающегося на *-g*), а *-gè (-ke₄)* — другое (тот же падежный показатель, но после показателя родительного падежа *-ak*). Ошибки в транскрибировании могут приводить иной раз к неприятным последствиям. Так, в своей статье «Реформы Урукагины в Лагаше» (ВДИ, 1951, № 1, стр. 23) я ошибочно транскрибировал до сих пор не разъясненную группу знаков *za-áš-da-bi i-sub* и, приняв для знака *AS* чтение *dil*, перевел «камни (*za*) по одному (*dil-da*) бросают». На самом деле в тексте стоит не знак *AS*, а знак *ĀS*, который не читается *dil*. В другом

водо том, что полноправный гражданин мог пользоваться продуктами труда легковооруженного воина (очевидно, неполноправного) совместно с этим последним.

Однако вывод этот нельзя принять, так как перевод, на котором он основан, не учитывает ряд твердо установленных лексических и грамматических фактов. Если перевод *dumu-ukú* как «легковооруженный воин» является только недостаточно аргументированным⁵³, то фраза в переводе В. В. Струве «на высоком месте себе устроил рыбный садок»⁵⁴ содержит слова «на высоком месте», которых я не нахожу в шумерском оригинале⁵⁵. В высшей степени спорным является перевод того места, на котором собственно и базируется указанный выше вывод о взаимном положении «легковооруженных воинов» и полноправных граждан, а именно перевод глагола *ba-da₅-kar-gé*⁵⁶.

Переводя *ba-da₅-kar-gé* как «брал⁵⁷ вместе с ним», В. В. Струве, очевидно базируется на том факте, что префикс *-da-* соотносится обычно с послелогом *-da* так называемого совместного падежа. Но ни при одном из

случае (там же) я неправильно протранскрибировал *NE* вместо *ÑE* и выбрал чтение *dè* в контексте *NE a-nag-nag nu-na-sum-mu* с переводом «коршаты питьевой водой ему могли не давать» (Э. Сольберже здесь переводит «ослу питьевой воды могли не давать», — читая *NE* как *anè* — хотя это чтение не лишено трудностей). За указание этих моих погрешностей я благодарен академику В. В. Струве. К неприятным последствиям ведет неточность М. Ламбера, который в своем издании тех же текстов Урукагины (*Lambert, Les «réformes»* . . . , стр. 180, 14, XI, 23) читает *lugal* «хозяин, владыка» вместо ясно написанного в оригинале *lu-gu-la* «человек высокого положения, начальник». В своей статье «Интерпретация документа № 19. . .» акад. В. В. Струве переводит *ša(g)-dug-mi* как «добросердечные женского пола», очевидно, имея в виду *ša(g)-dug-mi* (стр. 4, прим. 1), так как *ša(g)-dug-mi* может значить только «середины черного сосуда»; приводит слово «итог», но в транскрипции — набор знаков: «нитка» (*gu*), «небо» (*an*) и неупотребительный в этом звучании в шумерском знак *še* — очевидно, вместо *gu-an-še*, стр. 11; приводит невозможную с точки зрения грамматической системы А. Пелебя — Фалькенштейна, которой обычно следует и акад. В. В. Струве, глагольную форму *zag-ne-uš* (стр. 10 — надо *zag-bi-uš*; приведенное В. В. Струве чтение относится к грамматической системе Даймеля; то же верно в отношении транскрипции *ib₂-an* на стр. 10; по системе, которой автор следует в других случаях в той же статье, транскрибировать следовало бы *ib-am₃*).

⁵³ Объяснение, данное мной этому термину в моей статье, ВДИ, 1951, № 1, стр. 17 сл., не может считаться правильным и, как отмечает и В. В. Струве (стр. 89, прим. 5), я позже от него отказался. По-видимому, *uku* — это нечто вроде «мушкенума» старовавилонского времени. К этому вопросу я еще вернусь специально.

⁵⁴ *HAR-SAG + HA-na ù-nu-aka*. Еще Ф. Тюр-Данжэн в 1905 г. предложил переводить *HAR-SAG + HA-na* (под вопросом) как «рыбный садок, пруд»; это толкование было условно принято всеми последующими исследователями, хотя это *apaš* Леруа-Мелетю, и смысл его устанавливается только из этого контекста. Возможно, акад. В. В. Струве усмотрел здесь слово *hur-sag* «гора, лесистый холм», но это чтение невозможно, так как знак, условно транскрибируемый как *SAG + HA* (про-изношение его неизвестно) отнюдь не тождественен знаку *sag*. «Себе» также отсутствует в тексте.

⁵⁵ Выше мы видели, какую существенную роль в исторических построениях В. В. Струве играют «высокорасположенные поля». Возможно, что здесь на автора повлияло наличие у него готовой концепции вопроса.

⁵⁶ Аналитически *ba-(n)da-(n)-kar-e*.

⁵⁷ В. В. Струве полагает, что данный случай (с глаголом *ba-da₅-kar-gé*) показывает, что форма глагола с суффиксом *-e* может передавать вид многократный (итератив). Автор, к сожалению, смешивает здесь две различные лингвистические категории — многократность (фреквентатив) и повторность (итератив). Автор справедливо замечает, что оттенок фреквентативности содержится (как нередко и в русском языке) в самой категории несовершенного вида, так как незавершенность действия может в том именно и выражаться, что общее действие длится, распадаясь на целый ряд однократных частных действий. Повторности же шумерский *Praesens-Futurum* не выражает. Но в данном случае *Praesens-Futurum*, по-видимому, не имеет и фреквентативного оттенка: подобно академскому *Praesens*, эта форма может здесь означать долженствование или возможность. Ср. *dug₁-dug₄-na šu-nu-bal-e* «в его решениях (ничего) нельзя изменить» (пример у *J e s t i n*, *Le verbe sumérien*, I, стр. 217).

слов разбираемого предложения нет послелога совместного падежа -da. Кроме того, как известно, предлоги или послелоги одного языка никогда не переводятся на другой язык однозначно; так и -da вовсе не обязательно означает только «с», «вместе с»: этот послелог (и соответствующий префикс) может значить и «у», например ⁵⁸ *ḏBur-ḏZu-en ud im-da-ab-sud_x-d[u]* «(бор) дни у Бур-Суэна (т. е. Бур-Суэну) продлит⁵⁸» (а не «вместе с Бур-Суэном продлит»). Имеет этот послелог и различные другие значения⁵⁹, в том числе, например, инструментальное и др.

Наконец, префикс -da-, как и другие пространственные префиксы шумерского глагола, может иметь так называемый «застывший» характер⁶⁰: при некоторых глагольных основах присутствует пространственный префикс, независимо от того, имеется ли в предложении соответственное пространственное отношение. К таким глаголам относятся, например, глаголы *è(d)* «выходить» (всегда с префиксом исходного падежа -ta-), *sam* «покупать» (с префиксом терминатива -šè-), и как раз глагол *kar* «схватить что-либо и удрать (с ним); убежать (вообще); похитить» (с префиксом совместного падежа -da-): так, *Ur-lum-ma ba-da-kar* «Урлума бежал (с поля битвы)» (конечно, не «вместе с» победителем!)⁶¹; *ki-zi-ni ba-da-an-kar-ḡa* «его укрепленное место, куда он бежал»⁶². Вопрос этот подробно разобран в книге Р. Жестэна⁶³. Если бы акад. В. В. Струве не ограничился одним разбираемым им контекстом, а привлек бы и другие случаи употребления глагола *kar*, он, как нам кажется, убедился бы, что этот глагол не выражает понятия совместного пользования, и что перевод в тексте Урукагины *ba-da₅-kar-ḡe* как «брал вместе с ним» влечет за собой необходимость соответственных переводов и в других текстах, где употреблен данный глагол. Но в таком случае оказалось бы, что *dumu-tuku-ni dumu-ni ba-an-da-kar-ḡa* *dam-tuku dama-ni ba-an-da-kar-ḡa* (в известном тексте Утухегалья, где говорится о хозяйничанье горцев-кутцев в Двуречье)⁶⁴ придется переводить: «который вместе с имевшим сына взял его сына, который вместе с имевшим супругу взял его супругу», в то время как в действительности это предложение можно перевести только как «...который у имевшего супругу похитил его супругу».

Поэтому и разбираемую акад. В. В. Струве фразу из текста Урукагины следует переводить: «если *dumu-ukú* сделал *ḡAR-SAG + ḡA-na* (рыбный садок?) (то свободный, полноправный) человек рыбу его (неодушевл.) похищал (или „мог похитить“)». Таким образом, из текста не вытекает вывод о праве полноправного гражданина пользоваться продуктами труда легковоруженного воина совместно с этим последним.

Оценка роли падежных показателей (послелогов) в шумерском языке отражается на характере исторических выводов и в другом случае. На стр. 89—92 той же работы акад. В. В. Струве настаивает, что элемент *ama-*

⁵⁸ *Thureau-Dangin*, SAKI, стр. 198, е, 25—26. Точно так же *uru-da i-da-tu₅-a* в документе DP, 545 (ср. Струве, Интерпретация документа № 19..., стр. 17) надо переводить не «вместе с городом сидел», как переводит В. В. Струве, а «у города сидел».

⁵⁹ *Falkenstein*, GSGL, § 108, стр. 142 сл., ср. § 124, стр. 206 сл. (десять примеров из одних только надписей Гудей). Ниже (стр. 63) мы увидим, что и сам В. В. Струве не передает префикса -da- в своем переводе выражения *tukul e-da-sig* «сразился».

⁶⁰ *Poebel*, GSG, 1923, §§ 515—516, стр. 205—206.

⁶¹ *E. Sollberger*, *Corpus des inscriptions «royales» présargoniques de Lagash*, Genève, 1956, Ent. 28—29, A, III, 15—16.

⁶² *F. Thureau-Dangin*, *La fin de la domination gutienne*, RAss, IX (1912), стр. 111 сл., IV, 10. Речь идет о человеке, который бежал совершенно один.

⁶³ *Jestin*, *Le verbe sumérien*, I, стр. 353. См. также *Sollberger*, *Le système verbal...*, стр. 99, ад.

⁶⁴ *Thureau-Dangin*, *Le fin...*, I, стр. 9—12.

в слове *ama-ukú* должен переводиться «мать»⁶⁵. Перевод *ama-ukú* как «мать бедняка» (т. е. в ся к о г о бедняка вообще) имеет существенное значение для исторических выводов (в тексте речь идет о нарушении владения *ama-ukú*).

Однако выражение *kiri₆-ama-ukú giš na-ba-ni-ri-ri*, встречающееся в текстах Урукагины (С, V, 20; X, 18), при этом толковании означало бы «в саду матери бедняка рубил для себя деревья». Такой перевод предполагает наличие в этом шумерском выражении двух родительных падежей и одного локативного, которые должны были бы быть выражены соответствующими показателями (-ak-ak-a)⁶⁶. Но в данном тексте нет ни одного падежного показателя. Правда, локатив может быть заменен абсолютным падежом места, имеющим нулевой показатель⁶⁷, но отсутствие двух показателей родительного падежа при переводе, предлагаемом акад. В.В. Струве, объяснить невозможно. Поэтому вполне закономерно предположить, что *ama-ukú* не является генитивным сочетанием⁶⁸, и что *ama-*, таким образом, надо рассматривать как словообразовательный элемент. Тогда необходим только один родительный падеж, показатель которого -ak опускается после гласного по общему правилу, если далее не следует другой показатель. Таким образом, очевидно, *ama-ukú* в целом есть термин, обозначающий категорию людей, и значение его подлежит выяснению. Во всяком случае, предлагаемое В. В. Струве толкование реформ Урукагины как реформ в защиту бедняков в той мере, в какой оно основывается на переводе данного контекста, следует признать не аргументированным.

В приведенных выше примерах мы видели, что недостаточный учет падежных показателей при шумерском имени может подорвать достоверность исторических выводов. Столь же серьезные последствия может вызвать недостаточный учет характерной особенности шумерской грамматики — различия категорий действия и состояния и, соответственно, глагола непереходного и переходного⁶⁹.

Шаткость толкования текста при невыясненности вопросов переходности и непереходности может быть иллюстрирована на материале истори-

⁶⁵ Мы предлагаем считать здесь *ama-* словообразовательным элементом, подобно тому, как это было ранее установлено для *ki-* (дословно «место»), *nam-* (дословно «судьба»), *niġ-* (дословно «вещь»); тогда *ama-ukú* — не «мать бедняка», а единый термин, обозначение определенной категории людей, так же, как *ama-siki* (дословно «мать шерсти») — «старуха», *ama-ir* (дословно «мать плача») — «плакальщица», *ama-erēn* (-na) (дословно «мать войнов») — «войско» и как *ki-sikil* (дословно «место чистое») — «девушка» и др.; В. В. Струве *ama-ukú* понимает буквально, а в других случаях предпочитает как бы образное понимание этих терминов. Но вряд ли приемлемо образное объяснение термина *ama-ar-gi₄*, *ama-gi₄* «освобождение» как «мать успокоения» (стр. 92).

⁶⁶ О скоплении падежных показателей в шумерском см. выше прим. 30.

⁶⁷ Falkenstein, GSGL, § 103a 2, стр. 82.

⁶⁸ Подобное сочетание без показателя родительного падежа изредка допускается в шумерском языке, но только в том случае, если сочетание определяемого с определенным образует единое терминологическое понятие. Но даже такие термины, как «(бог) Нингирсу» — [^dNin-Gir-su(-k) «владыка города Гирсу)], как «правитель» — [ensí(-k) «жрец закладки храма)] имеют показатель родительного падежа. «Мать бедняка» же не является единым термином, так как мыслимы любые другие параллельные сочетания («жена бедняка», «дочь бедняка», и т. п.).

⁶⁹ Первый имеет только субъект состояния, выражаемый абсолютным падежом (с нулевым показателем), который соответствует нашему именительному падежу. Второй имеет два субъекта, — во-первых, собственно подлежащее, или субъект действия, выражаемое эргативным падежом, и, во-вторых, субъект наступившего состояния (= объекту), выражаемый абсолютным падежом, соответствующим здесь нашему винительному падежу. Эргативный падеж имеет показатель -e; тот же показатель имеет местно-направительный падеж (локатив-терминатив); он совпадает также по форме с некоторыми другими грамматическими формантами, что иногда может явиться источником недоразумений.

чески чрезвычайно важного текста, который, однако, в настоящее время почти бесполезен для историка, так как, помимо неясности в смысле различения указанных глагольных категорий и различных падежных отношений, в нем существуют еще большие неясности лексического порядка (связанные с чтением и пониманием идеограмм).

Речь идет о фрагментированном введении к древнейшему известному нам памятнику законодательства — Законам Ур-Намму, основателя III династии Ура, в интерпретации двух из самых крупных современных шумерологов Запада — С. Н. Крамера и А. Фалькенштейна ⁷⁰.

С. Н. Крамер читает строки 75—96 следующим образом: Nam-ḥa-ni en₅-si Lagāša^{ki}-ke₄ ḥe-m[i-u]g₅ ki-sur-ra mā-Mā-gan^{ki}-na^dNanna ā^dNanna-lugal-uru-ta ḥe-mi-gi₄ Urí^{ki}-ma ḥa-ba-zalag(?) u₄-ba a-guru₉-NI-gi₈gum i-gál-la-àm nam-garāš mā-laḥ_x-g[al] i-gál-la-àm [tú]d-e [gud-dib udu]-dib [anšu-]dib [i-gál-la-à]m и переводит: «...убил Намхани, правителя Лагаша, (и) силой (бога) Нанны, царя города, вернул маганскую ладью Нанны на границе (пограничном канале). Он (затем) стал прославленным в Уре. В это время имелись, имелись налоги (?) (и) „большие“ моряки, имелись [наси]льно [захватывавшие волов], захватывавшие [овец], захватывавшие [ослов] . . .».

А. Фалькенштейн (стр. 49 и сл.) читает ⁷¹: Nam-ḥa-ni en₅ Lagāša^{ki}-ke₄ ḥe-m[i-u]g₅ (??) ki-s[a]r-ra mā-Mā-gan^{ki}-na^dNanna ā^dNanna-lugal-la(?) -ta ḥe-mi-gi₄ Urí^{ki}-ma ḥa-ba-zalag(?) u₄-ba a-šà(?) ni-is-ḫum i-gál-la-àm nam-garāš mā-laḥ_x-g[al] i-gál-la-àm [ut]ú-e gu₄-KU udu]-KU [anše]-KU [i-gál-la-à]m и переводит: «...к Намхани, правителю Лагаша ⁷², он воистину, к месту восхода (?) (солнца) он вернул, силой Нанны царя, маганские корабли Нанны, воистину дал (им) ситья в Уре. Тогда для хлебного поля имелись отличные ослы, для торгового мореплавания имелись (умелые) капитаны, для высших надзирателей стад имелись и».

Таким образом, различие в понимании показателя -e при имени и в чтении и толковании ряда идеограмм приводит к почти диаметрально противоположным переводам этого важного текста, дающего, как полагают, параллель к первому параграфу текста реформ Урукагины.

Совершенно аналогичен по характеру текст АО. 4598 ⁷³, разбираемый в статье В. В. Струве «Интерпретация документа № 19...» (стр. 17). Он еще более фрагментирован, в нем также встречается трудность, связанная с пониманием показателя -e при имени (выражающего либо эргативный, либо локативно-терминативный падеж), и имеется множество неразрешенных проблем, связанных с чтением знаков и интерпретацией идеограмм. Акад. В. В. Струве дает перевод этого текста и использует его затем для исторических выводов.

Текст гласит:] Gír-su^{ki} e-ma-da₅ Uru-ka-gi-na-ke₄ tukul e-da-sig bād-bé i-ni-mú UR i-ni-ti uru-ni-šè ba-túm mina-kam-ma[.] DU[.], что акад. Струве переводит: «Гирсу он засадил (войнами). Уру-

⁷⁰ S. N. Kramer, *Ur-Nammu Law Code, Or.*, 23,1, стр. 40 сл. Перевод А. Фалькенштейна, к которому Крамер обратился с просьбой высказать свои замечания по поводу своего перевода, помещен в той же статье.

⁷¹ А. Фалькенштейн в своих замечаниях не дает сплошной транскрипции и перевода всего отрывка; перевод дан им для каждой фразы в отдельности, а транскрипция восстановлена нами по его отдельным замечаниям к транскрипции С. Н. Крамера.

⁷² А. Фалькенштейн видит в en₅ Lagāša^{ki}-ke₄ локативно-терминативный падеж, справедливо замечая, что, как ни толковать в нем показатель -e (локатив-терминатив или падеж действующего лица — эргатив), en₅ Lagāša^{ki}-ke₄ не может быть объектом к ḥe-m[i-u]g₅. Он отмечает также, что в переводе Крамера недостает падежного показателя после первого ^dNanna.

⁷³ АО. 4598 — музейный шифр текста, изданного Sollberger, *Corpus...*, Ukg, 14, III', 2'—10' (новейшее издание).

кагина сразился. Стена его (т. е. Гирсу) сверкала (оружием воинов). Ташниитил в свой город вернулся. Во второй раз он пришел».

Переходя к историческому обобщению, автор пишет: «Если можно согласиться с предложенной интерпретацией текста, то последний отражал четыре события, имевшие место в течение двух из годов царствования Урукагины: 1) обеспечение Гирсу, укрепленной центральной части Лагаша, достаточным количеством войска; 2) подход врага к стенам Гирсу; 3) отражение Урукагиной врага; 4) вторжение врага во второй раз. С помощью текста заключительных строк документов хозяйственной отчетности и документов DP 545 и Ник. 227 можно с большой долей вероятности установить те два года царствования Урукагины, в течение которых совершились события, отмеченные в надписи АО.4598». Кроме того, акад. В. В. Струве делает вывод, что Ташниитил — имя полководца или самого царя Уммы, Лугальзагеси, осаждавшего Лагаш.

Таким образом, на основании своего перевода указанного текста автор рисует целую картину хода исторически важной войны между государствами Уммы и Лагаша. Однако самый этот перевод и предложенная акад. В. В. Струве интерпретация текста слишком произвольны. Глагол $da_5(b)$ означает «сажать деревья», «врывать в землю». Нам неизвестны случаи, когда этот глагол мог бы означать «вводить войска в крепость»⁷⁴, а при общеизвестной конкретности шумерской лексики вряд ли такое значение и возможно. Глагол $e-da-sig$ нельзя переводить и е и е р е х о д н ы м глаголом «сразился», так как подлежащее $Uru-ka-gi-na-ke_4$ стоит в эргативном падеже⁷⁵, выражающем подлежащее глагола *п е р е х о д н о г о*, и притом глагол употреблен с префиксом совместного падежа, по-видимому, с инструментальным значением. Глагол tu ⁷⁶ не означает «сверкать», а «вспыхивать, загораться», в каузативном значении, быть может, «зажигать»; при том же чтении данная идеограмма имеет также значения «молиться, благословлять; строить; растить, сажать (о деревьях)»⁷⁷; но она имеет и другие чтения, в которых означает также, например, «писать» и многое другое. Далее, глагол tum не означает «возвращаться», а «приносить, доставлять», в чтении gub также «стоять, пребывать, находиться; служить».

Ввиду того, что контекст надписи разрушен, трудно, при многозначности шумерских идеограмм, дать уверенный перевод данного отрывка. Более или менее достоверно в тексте лишь следующее: «... (в) Гирсу (я или) он (их? его? себя?) посадил (врыл)»⁷⁸. Урукагина (его) оружием ударил⁷⁹, его стену (или: к этой стене) он там⁸⁰ он там (?)⁸¹ (и) в свой город доставил (или: в своем городе пребывал). Во второй раз [....].... Дальнейшие строки так разрушены, а сохранившаяся идеограмма

⁷⁴ См. тексты, на которые ссылается SL, 132,6. Непереходное значение этого глагола — «быть прочно укорененным, нерушимо пребывать», переходно-каузативное — «сажать растения, вкапывать в землю (камень, стелу)».

⁷⁵ Возможно и другое толкование формы $Uru-ka-gi-na-ke_4$, а именно как локатива-терминатива на -e. Тогда $Uru-ka-gi-na-ke_4 e-da-sig$ означало бы «с Урукагиной (собственно „у Урукагины“) сразился».

⁷⁶ Этот глагол имеет при себе локативный префикс, указывающий на то, что действие происходило «в нем», «в ней», «там». В переводе акад. В. В. Струве наличие префикса не учтено.

⁷⁷ SL, 152, IV, 37, 39—41; V, 117, 118. Всего зарегистрировано около 20 глагольных значений.

⁷⁸ Может быть, «Гирсу стоял прочно».

⁷⁹ Может быть, «с Урукагиной сразился».

⁸⁰ Может быть, «зажег»?

⁸¹ В этом месте четыре знака, которые М. Ламбер и В. В. Струве читают «Ташниитил», могут комбинироваться и читаться различно, например, UR-ni i-ti, UR i-ni-ti, и др. Знак UR, в свою очередь, имеет несколько чтений. Нет уверенности в том, что пред нами имя собственное. Более вероятно, что это глагол i-ni-ti, параллельный предшествующему i-ni-tu и имеющий те же форманты (в частности, локативный префикс -ni-).

DU столь многозначна, что восстановление лакуны, а тем более перевод представляются невозможными.

Приведенный нами текст обработан также Э. Солльберже⁸², который тоже не дает удовлетворительного перевода этого текста и даже предлагается видеть здесь ошибку писца, случайно переставившего строчки. Перевод Солльберже гласит: «... (в) Гирсу я устроился. Уракагина был побит оружием. Он дал расти его стене. Урнинетил к своему городу его увел». Но тут же он взвешивает возможность перевода: «Уракагина е го побил оружием», хотя и замечает, что Уракагина не мог побить оружием собственный город Гирсу. Это однако, не снимает возможности такого перевода, так как объект здесь не обязательно город Гирсу: мы не знаем подлежащего предшествующего предложения, а оно могло являться объектом глагола sig³ «ударил». Все глаголы в тексте могут быть поняты и как формы 1-го и как формы 3-го лица: в примере 151 (на той же странице) Солльберже переводит bad-bé i-ni-mú как «я дал расти его стене».

Разумеется, делать на основании этого весьма неясного и разрушенного текста какие-либо исторические выводы очень трудно; во всяком случае, при толковании его требуется особо внимательный учет грамматических, лексических и орфографических особенностей.

Как мы видим, приведенный текст темен не только вследствие своей фрагментарности и вследствие неясности грамматических форм, но особенно благодаря сомнениям в чтении и понимании идеограмм. Значение этого последнего обстоятельства видно и из предыдущих примеров (ama-ukú, dumu-ukú, глагол kar, a-guru, или a-sà, túd-e или utúl-e и т. п.). Очевидно, что вопросы орфографии шумерских источников и, в особенности, истолкования идеограмм имеют самое существенное значение для исторического понимания памятников. Именно поэтому акад. В. В. Струве посвятил специальную статью некоторым правилам употребления идеограмм в шумерской письменности⁸³. В этой работе выдвигается положение, что идеограммы, одинаково звучащие, но различные по значению (т. е. омофоны), не могут заменять друг друга. Само по себе это положение не ново: в том именно и состоит принцип шумерского письма, что знак, как правило, соответствует содержанию понятия, а не звучанию, вследствие чего мы и называем такой знак идеограммой. Проистекающее отсюда наличие «омофонов» — знаков, одинаковых по звучанию, но различных по значению, — представляет собою явление, известное каждому ассириологу и шумерологу. Омофоны по общему принципу не могут ставиться один вместо другого, иначе понимание шумерского текста стало бы затруднительным. Однако случается, что древний писец, имевший дело с сотнями сложнейших знаков, отклонялся от этого основного орфографического правила.

Примеров таких отклонений вполне достаточно⁸⁴. В сущности, здесь речь идет о замене идеограммы фонетически используемым знаком, хотя об этом и являющимся тоже идеограммой. Явление sporadической замены идеограмм фонетическими знаками широко распространено в шумерском письме. Достаточно двух примеров из всего лишь одного предложения в известном всем шумерологам тексте «Цилиндра А» Гудеп (IV, 14): ša ma-mu-da-ka lú-1-ám an-gim ri-ba-ni «во сне был один человек, подобен небу рост его», где в словах ma-mú(d) «сон» и rib «рост» идеограммы mú и rib заменены подходящими по фонетическому звучанию знаками mu и ri (ma-mu-da-ka вместо *ma-mú(d)-da-ka и ri-ba-ni вместо *rib-ba-ni).

⁸² Sollberger, Le système verbal..., стр. 92, прим. 1.7

⁸³ Струве, Категория времени..., стр. 87 сл.

⁸⁴ Можно указать на приведенный А. Фалькенштейном в его грамматике шумерских текстов Гудеп: šu-luḥ «обряд», собственно «омовение рук», со знаком šu «крышка» вместо šu «рука» — Falkenstein, GSGI, § 2, стр. 10. Есть немало и других примеров в самых различных памятниках шумерской письменности.

Принципиальной разницы между этим случаем и оспариваемыми акад. В. В. Струве случаями замены одной идеограммы через другую нет, так как любой шумерский знак является прежде всего идеограммой и лишь вторично иногда получает фонетическое значение⁸⁵. Само возникновение фонетического применения знаков основано на перенесении употребления идеограммы со слова, выражающего данное понятие, на сходные звучания, не имеющие связи с этим понятием. Если бы правило, постулируемое В. В. Струве, было бы столь абсолютным, то фонетические значения шумерских знаков никогда бы не возникли. Поэтому трудно согласиться с тем, что выдвинутое В. В. Струве правило незаменимости идеограмм в шумерских текстах действительно «поможет преодолеть ряд существенных трудностей в понимании некоторых трудных мест изучаемых шумерийских текстов»⁸⁶. Напротив, нам кажется, что его формулировка закрывает путь к интерпретации ряда контекстов.

Исходя из того, что сказано выше о многозначности шумерских идеограмм, ясно, что выбор правильного чтения идеограммы имеет кардинальное значение. Но можно было бы предположить, что, по крайней мере, если речь идет о собственных именах, для исторических выводов может быть безразличным, какое чтение выбрать. Однако когда в течение длительного времени ряд зарубежных шумерологов читал в многочисленных надписях правителей города Адаба знаки E-SAR как имя собственное царя, не вникая в контекст и значение идеограмм, в то время как речь шла о названии храма, то такая ошибка не могла не повлечь за собой последствий для исторических выводов. А ошибки в чтении имен собственных — нередкое явление. Как известно, каждое шумерское имя представляет собой целое предложение (или его усеченную форму), и само собой разумеется, что оно должно иметь определенный смысл. Между тем, например, один из персонажей, упоминаемых в цитированной выше работе акад. В. В. Струве «Интерпретация документа № 19...», стр. 4 и др.), называется автором «Агринутил», что значит «чиновник не живет (не исполнился, не готов и т. п.)». Такое имя вряд ли вероятно. Очевидно, надо читать «Искимнути» — «(дурное) предзнаменование не живет (не исполнилось)»⁸⁷.

В данном случае неточное чтение имени не влечет за собой искажения исторических выводов; но иногда безразличие к точному чтению собственных имен может сказаться и на выводе.

В той же статье для выводов автора важно доказать, что упомянутый в разбираемом им документе рыбак Некуш — не умершее, а живое лицо. Поэтому акад. Струве читает в тексте Ник., I, 19, вместо «Некуш» — «Несаг» ссылаясь на «закон большого контекста», так как рыбак Несаг упоминается в других документах как живой. Этот довод еще мог иметь известную убедительность, если бы автору удалось отождествить всех остальных лиц, упоминаемых в таблетке Ник., I, 19, с персонажами других документов. Однако автор сам признает, что не всех из этих лиц ему удалось найти в прочих таблетках архива храма Бау (стр. 8—9,

⁸⁵ Это относится и к фонетическим знакам *mi* и *gi* в приведенном нами примере — оба эти знака являются распространеннейшими идеограммами.

⁸⁶ Струве, Категория времени..., стр. 94.

⁸⁷ Подобное имя могло быть дано ребенку для отвращения дурных примет или в ознаменование благополучного, вопреки приметам, исхода родов. Безусловно неправильно также чтение имен «Тиразаггиси» и «Хекизагага»: чтение соответствующего знака как *azag* оставлено уже несколько десятилетий тому назад, так как выяснилось, что *azag* означает род болезни и к образованию собственных имен не может иметь отношения, здесь же идеограмма имеет значение «серебро, светлый, святой». Сходные возражения вызывает также чтение некоторых других имен собственных.

12, прим. 61); поэтому и тот факт, что имя «Некуш» в других документах не найдено, ничего не доказывает. В данном же случае «закон большого контекста» фактически сводится к логически порочному кругу: так как в других документах Некуш не упомянут, а упомянут Несаг, то и в документе Ник., I, 19 надо читать «Несаг» вместо ясно написанного там «Некуш»; а раз в Ник., I, 19, согласно автору, надо читать «Несаг», то этим доказывается, что это тот же самый Несаг, который упоминается в других документах.

Как и в случае введения понятия «высокого места» в текст о похищении рыбы из рыбного садка (?) и в случае перевода глагола *da*₅ «сажать деревья» как «вводить гарнизон», так и здесь, как кажется, мы имеем дело со случаем, когда определенное, заранее создавшееся у автора построение влияет на его интерпретацию текста.

Здесь мы снова подходим к вопросу о роли логических рассуждений для извлечения из текста того или иного исторического вывода. Естественно, что такое логическое рассуждение может быть различным у разных авторов. Вопрос — в степени убедительности и строгости умозаключений в каждом отдельном случае.

Если мы начали с текста, толкование которого вызывает возражения как с логической, так и с филологической стороны, то теперь для иллюстрации возьмем текст, грамматически не вызывающий разногласий, а лексически — лишь второстепенные и несущественные, — хозяйственный текст храма богини Бау в Лагаше, Ник., I, 19. Истолкование этого текста является предметом спора между акад. В. В. Струве и автором настоящей статьи. Сущность этого спора хорошо иллюстрирует возможность возникновения различных логических построений на основе одного и того же источника.

Внимание к документу Ник., I, 19 было впервые в советской литературе привлечено мною в работе «О площади и составе населения шумерского „города-государства“» (ВДИ, 1950, № 2, последний абзац на стр. 82). Документ был упомянут в этой работе в связи с вопросом иллюстрации примерной численности шумерской семьи. При этом было обращено внимание на тот факт, что семьи в этом документе неполные: в них недостает работников. Из 10 (или 12) семейств пять возглавляются вдовами⁸⁸. Оставшиеся семейства возглавляются *ab-ba* — термин, означающий «старик»⁸⁹, а также «отец», хотя для «отца», «родителя» есть специальное слово *a(d)*. В ряде случаев и здесь недостает работника. В работе «О площади и составе населения...» я не имел возможности дать подробную аргументацию в пользу своей точки зрения, однако, поскольку она вызвала не только возражения, но и произвольную реконструкцию хода моих мыслей⁹⁰, я позволю себе привести свои аргументы здесь.

⁸⁸ Акад. В. В. Струве насчитывает только четырех вдов, о пятой же, названной в тексте «матерью Энды», на стр. 5, прим. 21, обещает дальше сказать особо, но я не нашел дальнейших упоминаний ни о ней, ни о судьбе этого Энды, также отсутствующего в составе соответствующей семьи.

⁸⁹ Хотя существует еще термин *bu-gi* «дряхлый, старый», но это не значит, что значение «старик» для *ab-ba* — вторичное. Впрочем, в своей статье я, вопреки утверждению акад. В. В. Струве (стр. 6), вовсе не упоминал ни термина *ab-ba*, ни перевода «отцы» или «старики».

⁹⁰ Например, на стр. 13 своей работы акад. В. В. Струве пишет: «Из слов И. М. Дьяконова следует с очевидностью, что он рассматривал упомянутых среди лиц поименного перечня Ник. I, 19 «рыбака Несага» и «надзирателя Лупада» как скончавшихся глав двух семейств». Ничего подобного я, однако, не утверждал, в чем легко убедиться, обратившись к тексту моей статьи в ВДИ, 1950, № 2, стр. 82—83. О главах семейств в связи с документом Ник. I, 19 говорится в работе Тюменев, Государственное хозяйство..., стр. 143, а не в моей.

Документ дает следующие данные о составе семей ⁹¹:

1-я семья: 1 вдова, 3 сына, 2 дочери ⁹².

2-я семья: 1 вдова, 2 сына, 2 дочери, 1 внук, 1 внучка.

3-я семья: 1 ab-ba, 1 жена, 1 сын, 2 дочери.

4-я семья: 1 вдова, 1 сын, 4 дочери.

5-я семья: ab-ba — лодочник Нигинмуд, 1 рабыня, 1 раб, 1 раб рыбака Некуша.

6-я семья: ab-ba — Мерси, 1 жена, 1 дочь, 1 дочь надзирателя Лупада, 2 рабыни Пасиры ⁹³.

7-я семья: ab-ba — «работник хлева» (?) ⁹⁴ Ур-Энки, 1 жена, 1 дочь.

1 Гуабадуг — человек (начальника отряда) Дамдингирму, 2 раба, 1 рабыня.

1 Искимнути — человек Дамдингирму, 1 дочь, 1 раб.

8-я (10-я?) семья: 1 мать Энды, 1 дочь.

9-я (11-я) (?) семья: 1 вдова, 1 мать (вдовы или ее мужа), 3 сына, 1 дочь, 1 рабыня.

10-я (12-я?) семья: 1 лодочник Тиркугеси, 1 раб.

«Итого 7 ab-ba, 6 рабов человека (т. е. частных рабов), 11 несовершеннолетних мужского пола, 9 матерей ребенка, 17 несовершеннолетних женского пола, 5 рабынь человека».

С моей точки зрения, здесь пять семей, не имеющих в своем составе ни одного взрослого мужчины (семьи 1, 2, 4, 9/11 и 8/10 — в первых четырех были умершие отцы семейства, в пятой — еще и отсутствующий по неизвестной причине сын-кормилец, по имени Энда) и еще две семьи, где по той или иной причине отсутствует взрослый мужчина, но где помимо него в семействе сохранился другой мужчина (семья 5-я, где я считаю отсутствующего рыбака Некуша сыном лодочника Нигинмуда, и семья 6-я, где я считаю отсутствующего пасирского надзирателя Лупада сыном главы семьи Мерси). Документ, видимо, перечисляет семьи, лишившиеся (временно или навсегда) основного работника. Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие жен и детей у Гуабадуга и Тиркугеси и жены и сыновей у Искимнути. Холостое положение противоречило правилам шумерской религии, непременно требовавшей, чтобы у каждого были сыновья, способные после смерти отца поддерживать его заупокойный культ. Кто не имел сына, усыновлял чужого. Поэтому, говоря о нормальной шумерской семье, которая меня в данном случае только и интересовала, я не мог считать семьи этих лиц за нормальные. Можно предположить, например, что Гуабадуг и Искимнути усыновлены не имеющим сыновей Ур-Энки (в других семьях, кроме еще семьи Тиркугеси, сыновья, хотя и не взрослые, есть). Или можно думать, что Гуабадуг, Искимнути и в особенности Тиркугеси — бобыли, потерявшие свои семьи, и что именно поэтому они отнесены в итогах к числу ab-ba. Так или иначе, для расчета численности нормальной шумерской семьи нужно прибавить по мужчине к семьям 1, 2, 4, 5, 6 и 9/11, а к семье 8/10, пожалуй, даже двух мужчин

⁹¹ Перевод текста см. Струве, Интерпретация документа № 19..., стр. 4. В переводе, как уже указывалось, особых расхождений между нами нет, за исключением уточнения некоторых собственных имен (Некуш, Мерси, Дамдингирму, Искимнути, Тиркугеси — у В. В. Струве: Несаг, Нимгирси, Даманму, Агригнутил, Тиразаггиси).

⁹² Все упомянутые в тексте сыновья и дочери — несовершеннолетние.

⁹³ Несмотря на возражения акад. В. В. Струве, речь, с моей точки зрения, безусловно идет о рабах храма Абзу-Пасира в селении Пасира, так как «люди Пасира» включены в документах Ник. I, 3 и DP, 136 в число людей храма во в о г о персонала Бау, что не могло бы иметь места, если бы речь шла о людях общины Пасира. По той же причине и Лупада следует считать надзирателем храма Абзу-Пасира.

⁹⁴ Так акад. В. В. Струве переводит идеограмму, значение которой мне неясно.

(мужа и сына возглавляющей семью женщины); вполне вероятно, что это — общее явление для всех семейств данного списка, и что взрослые мужчины выбыли и из остальных семей, в частности и из семей 3 и 10/12. К последней семье, может быть, нужно прибавить еще и одну женщину. Остается неясный случай Гуабадуга и Искимнуги — нужно ли их отнести к семье Ур-Энки или их следует считать за отдельных глав семейств? В последнем случае для получения «нормальной» семьи надо и здесь прибавить еще двух жен. Возможные колебания в исчислении семей по сравнению с той основой, которая была принята в моей статье (ВДИ, 1950, № 2), дают для средней численности результат от четырех до пяти человек на семью при любом расчете; при больши́нстве вариантов цифра близка к 5. Большей точности при данном материале трудно и ожидать.

Как отмечает акад. Струве (стр. 5), для статистических расчетов 10—12 семейств вообще мало. Это справедливо, и недостатком моего построения было, в частности, то обстоятельство, что документ Ник., I, 19 выглядит в моем изложении как основа для статистики. Но если бы документа Ник., I, 19 не существовало, то мы и а priori приняли бы примерно такое же соотношение взрослых мужчин (общая численность которых для Лагаша дана в независимом источнике) к женщинам и детям, какое вытекает из этого документа, привлеченного за отсутствием лучших данных⁹⁵. Вообще, в моей статье все цифры дают только приблизительный порядок численности, а не абсолютные данные; условность цифр в ней неоднократно оговаривается.

Таким образом, я пришел в отношении документа Ник., I, 19 к выводу, что «этот текст приводит список семей, оставшихся без кормильцев» и что это обстоятельство нужно учитывать, желая получить по этому тексту представление о численности нормальной шумерской семьи.

Стремясь опровергнуть этот вывод, акад. В. В. Струве реконструировал предполагаемые биографии лиц, упомянутых в этом документе. При этом он отметил мою ошибку в счете (в документе упомянуты две, а не три «рабыни Пасиры») и попытался привести доказательства тому, что упомянутые в тексте Некуш (у акад. Струве, как мы видели выше, — «Несаг») и Лупад в действительности были при составлении данного документа живы⁹⁶. Правда, причина, по которой данные лица отсутствуют в составе семьи, не имеет значения для расчетов. Но В. В. Струве считает также, что эти лица являются для соответствующих семей вообще посторонними, однако не приводит этому доказательств, ограничиваясь предположениями.

Если же базироваться на предположениях, то с нашей точки зрения гораздо вероятнее считать, что раб Некуша числится в составе семьи Нигинмуда, а дочь Лупада — в составе семьи Мерси по той простой причине, что сами Некуш и Лупад — члены этих семей, чем предполагать, как это делает В. В. Струве (там же, стр. 14, 16), что рыбак Несаг (= Некуш) передал своего раба лодочнику Нигинмуду в силу неизвестных нам «деловых связей» с ним, и что дочь пасирского надзирателя Лупада с двумя рабынями попала в число перечисленных лиц случайно. Вот пример двойного логического истолкования текста, который сам по себе, в общем, беспорен.

Тот основной вывод, к которому пришел акад. В. В. Струве в своем

⁹⁵ Средняя численность семьи в 4—5 человек видна также по аналогиям, взятым из данных по малоразвитым странам, начиная с сельскохозяйственных реестров Ассирии до статистики современных колониальных стран (ср. ВДИ, № 2, стр. 92, прим. 6).

⁹⁶ Однако, как уже сказано выше, Некуш вообще не упоминается в других документах. В отношении же Лупада акад. В. В. Струве не приводит данных, относящихся заведомо к более поздней дате, чем время составления документа Ник., I, 19. Что касается меня, то я вовсе не утверждал, что Некуш и Лупад умерли.

обширном исследовании о документе Ник., I, 19, что этот документ посвящен эвакуации женщин и детей из осажденного Лагаша, основан на простом предположении, исходящем лишь из того факта, что в этот год Лагаш вел войну. Но, если допустить, что документ Ник., I, 19 действительно посвящен эвакуации женщин и детей⁹⁷, то следовало бы объяснить, почему эвакуируется только такая маленькая группа семейств средней руки, почему не эвакуируются женщины и дети лагашской знати, близких к самому Урукагине лиц? Дело в том, что автор не ссылается на какие-либо другие документы об эвакуации из архива храма Бау. Далее, непонятно, почему лица, которых автор считает воинами, сопровождавшими эвакуированных, перечисляются не отдельно, а попеременно с эвакуированными, и притом имеют при себе целую свиту из рабов и рабынь. Станным кажется довод о том, что старый человек не может быть лодочником. Даже и войны вполне могут быть весьма пожилыми ветеранами, особенно войны, посланные для выполнения не боевого задания.

Естественно, что в исторических построениях нельзя обойтись без гипотетических объяснений наличного материала; в этих случаях приходится ограничиваться предположениями, и это вполне закономерно. В то же время для полного освещения общественных условий в целом, естественно, требуются выводы далеко идущие, для которых наличный материал источников иной раз, к сожалению, не дает достаточного основания. В этом случае может появиться соблазн принять одно предположение за основание для другого, и т. д. Пример тому мы видели в отношении теории «высоких полей»⁹⁸.

Поскольку многие из рассмотренных в настоящей статье вопросов чтения, перевода и толкования шумерских источников связаны с коренными проблемами социально-экономической истории древнего Востока, постольку нам представлялось необходимым привлечь более пристальное внимание к филологическому обоснованию исторических выводов с тем, чтобы, с одной стороны, показать трудности, стоящие на пути решения этих проблем, а с другой — необходимость критического отношения к тем решениям, которые являются недостаточно аргументированными, но которые в отдельных случаях вошли в качестве категорических утверждений в некоторые из учебных пособий.

Речь идет во всех случаях о частных, хотя нередко и важных выводах. Сказанным, разумеется, отнюдь не ставятся под сомнение общие положения нашей исторической науки о характере социально-экономических отношений в Шумере, что мы уже подчеркивали в начале настоящей статьи. Естественно, однако, что предстоит еще очень большая филологическая и историческая работа, пока картина общественной жизни Шумера станет нам ясна во всех ее конкретных чертах.

⁹⁷ В этом случае наиболее естественным и было бы рассматривать семь перечня Ник., I, 19 как лишённые во всех случаях полноценного работника-воина, кормильца семьи, — умершего или участвующего в военных действиях, который, конечно, не подлежал эвакуации.

⁹⁸ См. также ВДИ, 1957, № 4, стр. 10, прим. 49, где автор переводит *ib* как «середина», предполагая в этом слове конкретный смысл «ядро войска». Но в тексте — лишь неясные следы знака. Приходится делать двойное предположение: 1) что в лакуне был знак *ib*, и 2) что «талия, середина» может значить «ядро войска». Двойной характер предположения делает основанные на нем выводы (стр. 15, 18) мало убедительными.

